

КАРЛОС КАСТАНЕДА

• Второе Кольцо Силы •

СОФІЯ

Карлос Сезар Арана Кастанеда

Второе кольцо силы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39848784

*Второе кольцо Силы:
ISBN 978-5-399-00605-5*

Аннотация

Спрыгнув со скалы в пропасть, Карлос остался в живых. Он возвращается в Мексику, чтобы узнать, был ли реальным этот невероятный прыжок. Неожиданно он встречается с группой женщин-магов, тоже учениц дона Хуана, и, чтобы не погибнуть в стычке с ними, обнаруживает в себе магическую способность выходить из своего тела в виде могущественного дубля. Он узнает, что все атаки на него были спланированы самим доном Хуаном для того, чтобы он открыл в себе силу и осознал себя как нового Нагваля. В результате взаимодействия с безупречной женщиной-воином Ла Гордой, Карлос принимает на себя ответственность лидера новой партии Нагваля.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Карлос Кастанеда

Второе кольцо Силы

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

Печатается с разрешения Simon & Shuster Inc.

The Second Ring of Power by Carlos Castaneda

© 1977 by Carlos Castaneda

© ООО Издательство «София», 2005

* * *

Предисловие

Местом моей последней встречи с доном Хуаном, доном Хенаро и еще двумя их учениками, Паблито и Нестором, стала плоская безжизненная вершина горы на западных склонах Сьерра-Мадре в Центральной Мексике. Торжественность и масштабы происшедшего там не оставляли сомнений, что мое ученичество подошло к концу и что я действительно видел дона Хуана и дона Хенаро в последний раз. Встреча завершилась тем, что мы все попрощались друг с другом, а затем мы с Паблито вместе прыгнули с вершины горы в пропасть.

Дон Хуан дал мне общие пояснения для предстоящих во время прыжка событий. Прыгнув в пропасть, я должен был стать чистым восприятием и двигаться вперед и назад между *тоналем* и *нагвалем*, двумя внутренне присущими всем существам состояниями.

Во время прыжка мое восприятие семнадцать раз переключивалось от *тоналя* к *нагвалю* и обратно. При переходах в *нагваль* возникало ощущение распада тела. Мыслить и чувствовать связно я не мог, хотя что-то думал и как-то чувствовал. При возвращении в *тональ* восстанавливалось единство. Я опять был целостным, и восприятие обретало связность. У меня были упорядоченные видения. Их интенсивность становилась столь сильной, живость – такой реальной,

что не было способа удовлетворительно объяснить их природе. Сказать, что они были видениями, живыми грезами или даже галлюцинациями, — значит не сказать ничего.

После самого тщательного и внимательного исследования и анализа своих ощущений, восприятий и интерпретаций этого прыжка я окончательно убедился, что мой разум отказывается верить в реальность происшедшего. И все же какая-то часть меня сохраняла уверенность в том, что *это* случилось, что я действительно прыгнул.

Дон Хуан и дон Хенаро были теперь недостижимы. Их отсутствие вызывало у меня настоятельную потребность пробиться сквозь гущу совершенно неразрешимых противоречий.

Я вернулся в Мексику, чтобы повидать Паблито и Нестора и искать у них помощи в решении моих внутренних конфликтов. Но то, с чем я столкнулся во время своей поездки, нельзя охарактеризовать иначе как мощную атаку, финальное нападение на мой разум, запланированное самим доном Хуаном. Направляемые им ученики самым методичным и точным образом за несколько дней разрушили последний бастион моего разума. В течение этих дней мне был продемонстрирован один из двух практических аспектов магии — *искусство сновидения*, являющееся на сегодняшний день ядром всей работы.

Искусство сталкинга — еще один практический аспект магии и венец фундамента учения дона Хуана и дон Хена-

ро, продемонстрированный мне во время следующих встреч. Оно являлось наиболее сложной стороной их существования как магов в мире повседневной жизни.

Глава 1

Преображение доньи Соледад

У меня возникло внезапное предчувствие, что Паблито и Нестора дома нет. Моя уверенность в этом была настолько глубокой, что я остановил машину. Дальше кончался асфальт, и я раздумывал, стоит ли продолжать в этот день долгую и трудную езду по крутой, покрытой крупной щебенкой дороге в их городок, затерянный в горах Центральной Мексики.

Я опустил боковое стекло. Было довольно ветрено и холодно. Я вышел, чтобы размять одеревеневшее от напряжения многочасовой езды тело, и прошелся по обочине мощеной дороги. Земля была сырой после недавнего ливня. Сильный дождь все еще шел на склонах гор к югу, совсем недалеко от места моей остановки. Однако прямо напротив, на севере и на востоке, небо было чистым. Еще по пути сюда при поворотах извилистой дороги иногда можно было видеть там голубоватые пики горных вершин, сияющие на солнце.

После минутного раздумья я решил вернуться назад и поехать в город — у меня было странное предчувствие, что я найду дону Хуана на рынке. Собственно говоря, я обычно поступал именно так с самого начала нашей с ним связи: всегда встречал его на рыночной площади. Как правило, если я

не находил его в Соноре, то ехал в Центральную Мексику, шел на базар в этом городе – и рано или поздно дон Хуан объявлялся. В таких случаях мне ни разу не пришлось ожидать его более двух дней. Я настолько привык встречаться с ним таким образом, что не сомневался – так будет и на этот раз.

Я ждал на рынке всю вторую половину дня. Прохаживаясь туда и сюда по рядам, я изображал человека, желающего сделать покупку. Потом я пошел побродить в парке. С наступлением сумерек я уже знал, что он не придет. У меня было ясное ощущение, что он был здесь, но уже ушел. Я опустил-ся на скамейку в парке, где мы сидели с ним столько раз, и попытался проанализировать свои ощущения.

В город я приехал в приподнятом настроении, твердо зная, что дон Хуан где-то тут, на улицах. То, что я ощущал, не было просто памятью о бесчисленных прежних встречах; мое тело знало, что он ищет меня. Но потом, когда я сидел на скамейке, у меня появилась странная уверенность другого рода. Я знал, что его тут больше не было. Я упустил его.

Спустя некоторое время я прекратил свои бесплодные умишлования. Я подумал, что на меня начинает действовать окружающая обстановка. Моя рассудительность и в прошлом покидала меня после нескольких дней, проведенных в этой местности. Я пошел в свой номер в отеле, чтобы пару часов отдохнуть, а потом вышел побродить по улицам. Предчувствие встречи с доном Хуаном улетучилось. Я сдался и

вернулся обратно в отель, чтобы хоть выспаться как следует.

Утром, перед отъездом в горы, я на всякий случай объехал главные улицы города, хотя совершенно точно знал, что напрасно теряю время: дон Хуана здесь не было.

Я потратил все утро, чтобы добраться до маленького городка, где жили Паблито и Нестор. Я прибыл около полудня. Дон Хуан учил меня никогда не заезжать прямо в город, чтобы не привлекать любопытства зевак. Всякий раз, бывая здесь, я перед самым городом всегда съезжал с дороги на ровное поле, где подростки обычно играли в футбол. Почва на поле была хорошо утрамбованной до самой тропы, проходящей мимо домов Паблито и Нестора, и достаточно широкой для проезда. Они жили в предгорьях к югу от городка. Доехав до края поля, я вдруг обнаружил, что пешеходная тропа превратилась за время моего отсутствия в очень неплохую гравийную дорогу.

Я размышлял, куда направиться – к дому Нестора или к Паблито. Ощущение, что их там нет, упорно сохранялось. Я решил ехать к дому Паблито. Нестор жил один, тогда как у Паблито были мать и четыре сестры. Если нет его самого, я смогу узнать у женщин, где его искать. Приближаясь к дому, я заметил, что грунтовая тропа у дома расширена. Грунт казался твердым, места для машины было достаточно, поэтому я подъехал почти к передней двери. К дому из необожженного кирпича была пристроена новая веранда, покрытая черепичной крышей. Почему-то не было слышно привычного

собачьего лая, но из-за загородки за мной спокойно и внимательно наблюдал громадный пес. Выводок цыплят, кормившихся у дома, с писком рассыпался в стороны. Я выключил мотор и потянулся всем уставшим телом, вытянув руки над головой.

Дом казался опустевшим. У меня мелькнула мысль, что Паблито и его семья выехали и в доме живет кто-то другой. Внезапно передняя дверь с шумом распахнулась, и оттуда так стремительно выскочила мать Паблито, будто ее кто-то вытолкнул. Она уставилась на меня непонимающим взглядом. Когда я вышел из машины, она, казалось, узнала меня. Она как-то очень грациозно вздрогнула всем телом и бросилась ко мне. Должно быть, она вздремнула и шум машины разбудил ее. Потому-то она и не сразу узнала меня, выбежав посмотреть, в чем дело. Нелепый вид бегущей ко мне старой дамы заставил меня улыбнуться. Но когда она приблизилась, я на мгновение усомнился, действительно ли это мать Паблито. Уж слишком проворно она двигалась.

– Боже мой, что за сюрприз! – воскликнула она.

– Донья Соледад? – спросил я недоверчиво.

– Ты меня не узнаешь? – ответила она, смеясь.

Я забормотал какую-то ерунду о ее удивительной живости.

– Ты почему всегда смотришь на меня как на беспомощную старуху? – спросила она, глядя насмешливо и вызывающе.

И тут же, не дав мне опомниться, она резко обвинила меня в том, что я дал ей прозвище «Миссис Пирамида». Я вспомнил, что когда-то сказал Нестору, что ее формы напоминают мне пирамиду. У нее была маленькая заостренная голова и широкий массивный зад. Длинные платья, которые она обычно носила, еще больше усиливали этот эффект.

– Посмотри-ка на меня, – сказала она, – я все еще похожа на пирамиду?

Она улыбнулась, и под ее взглядом я почувствовал себя не слишком уютно. Я попытался отшутиться, но она оборвала меня, заставив признаться, что именно я дал ей это прозвище. Я заверил ее, что ничего дурного не имел в виду и, что бы там ни было раньше, в данный момент она стала такой стройной, что о пирамиде больше вспоминать не приходится.

– Что с тобой произошло, донья Соледад? – спросил я. – Ты просто преобразилась!

– Ты сам сказал это, – мгновенно ответила она. – Да, я преобразилась.

Выразился я фигурально. Однако приглядевшись повнимательней, я должен был признать, что метафоры тут неуместны. Она действительно совершенно изменилась. Внезапно во рту у меня появился сухой металлический привкус. Я испугался.

Она стояла, подбоченясь и слегка расставив ноги, и смотрела мне в лицо. Она была одета в светло-зеленую юбку в

складку и вылинявшую блузку. Ее юбка была гораздо короче тех, которые она обычно носила. Я не мог разглядеть ее волос: она перевязала их широкой повязкой, похожей на тюрбан. Она была босая и ритмично постукивала своей большой ступней по земле, улыбаясь с простодушием юной девушки. Мне еще никогда не приходилось видеть женщину, которая распространяла бы вокруг себя столько силы. Я заметил странный блеск в ее глазах, волнующий, но не пугающий. Я подумал, что до сих пор по-настоящему не присматривался к ней. Кроме всего прочего, я чувствовал себя виноватым в поверхностном отношении к людям, жившим здесь. Сила личности дона Хуана делала окружающих по сравнению с ним серыми и невзрачными.

Я сказал ей, что никогда не представлял себе, что она обладает столь значительной жизненной силой и что только моя невнимательность виной тому, что я не знал ее на самом деле и, я надеюсь, теперь у меня будет возможность узнать ее поближе.

Она подошла ко мне, улыбнулась и мягко взяла меня под руку своей правой рукой.

– Непременно, – прошептала она мне на ухо.

Ее улыбка застыла и глаза остекленели. Она была так близко, что я ощущал касание ее груди. Мое смятение возрастало, но я попытался убедить себя, что причин для тревоги нет. Снова и снова я повторял себе, что просто никогда не знал матери Паблито и что, возможно, такое поведение бы-

ло вполне обычным для нее. Но какая-то испуганная часть меня знала, что для такого самоуспокоения нет никаких оснований. Вопреки моим нынешним покаянным комплимен-там, я действительно не только помнил ее достаточно хорошо, но и совсем неплохо знал ее. Она была для меня архетипом матери. Я думаю, что ей было лет под шестьдесят или даже больше. Ее дряблые мышцы с трудом передвигали старое тело, волосы были почти совсем седыми. Она была, насколько я помнил ее, унылой и печальной женщиной с мягкими и красивыми чертами лица, преданной и страдающей матерью, вечно занятой на кухне, вечно усталой. Я помнил очень добрую бескорыстную женщину, такую робкую, что все ею просто помыкали. Вот таким было мое представление о ней, сложившееся за годы случайных контактов. Но сегодня что-то ужасно изменилось. Женщина, стоявшая передо мной, не укладывалась в мое представление о матери Паблито. Тем не менее это была она, только невероятно стройная и сильная, выглядевшая лет на двадцать моложе, чем при нашей последней встрече. Я заметил, что весь дрожу.

– Дай мне посмотреть на тебя, – сказал она. – Нагваль говорил нам, что ты – дьявол.

Тут я вспомнил, что все они: Паблито, его мать, сестры и Нестор, – словно избегая произносить имя дона Хуана, называли его «Нагваль». В разговорах с ними привык так называть его и я.

Она смело положила руки мне на плечи – жест, немисли-

мый для матери Паблито, прежней доньи Соледад. Мое тело напряглось. Я онемел. Наступила долгая пауза, позволившая мне критически взглянуть на себя со стороны. Ее появление и поведение испугали меня до такой степени, что я забыл спросить о Паблито и Несторе.

– Скажи мне, где Паблито? – спросил я, охваченный волной внезапной тревоги.

– А, он ушел в горы, – ответила она уклончиво и отодвинулась от меня.

– А Нестор?

Она возвела глаза к небу, демонстрируя досаду и безразличие.

– Они вместе в горах, – сказал она тем же тоном.

С сильным облегчением я сказал ей, что уверен – с ними все в порядке.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Волна счастья и радостного возбуждения заставила меня обнять ее. Она страстно прижала меня к себе, и это так поразило меня, что у меня перехватило дыхание. Ее тело было твердым, в ней чувствовалась необычайная сила. Мое сердце заколотилось. Я постарался осторожно отстранить ее и спросил, виделся ли еще Нестор с доном Хуаном и доном Хенаро. Во время нашей последней встречи дон Хуан сомневался, готов ли Нестор к окончанию своего ученичества.

– Хенаро ушел навсегда, – сказала она, позволив мне высвободиться. Она нервно теребила край своей блузы.

– А как насчет дона Хуана?

– Нагваль тоже ушел, – сказал она, поджав губы.

– Куда они ушли?

– Ты хочешь сказать, что ты этого не знаешь?

Я сказал ей, что они попрощались со мной два года назад и я знаю только, что тогда они ушли. Я не отваживался даже думать о том, куда они ушли. Они и в прошлом никогда не говорили мне о том, где их искать. Я давно смирился с фактом, что если бы они захотели исчезнуть из моей жизни, то им просто нужно было отказаться от встреч со мной.

– Их нет поблизости, это точно, – сказала она, нахмурившись. – И они не собираются возвращаться обратно – это тоже точно.

Ее голос был холодным и бесстрастным. Она начала раздражать меня. Мне захотелось уехать.

– Но зато ты здесь, – сказала она, улыбнувшись. – Тебе надо подождать Паблито и Нестора. Они очень хотят тебя видеть.

Она схватила меня за руку и потянула прочь от машины. В прошлом такая смелость с ее стороны была просто немислима.

– Но сначала позволь мне показать тебе моего друга, – сказала она и с силой потащила меня в сторону дома.

Там была отгороженная площадка, похожая на маленький загон. В нем находился огромный кобель. Прежде всего мне бросилась в глаза его великолепная блестящая желтовато-ко-

ричневая шерсть. Это явно была не обычная собака. Он не был привязан и легко мог бы перепрыгнуть изгородь. Пес остался безразличным к нашему визиту, он даже не шевельнул хвостом.

Донья Соледад указала на большую клетку позади. В ней, свернувшись, лежал койот.

– Это мой друг, – сказала она. – Пес – нет. Он принадлежит моим девочкам.

Пес посмотрел на меня и зевнул. Мне он очень понравился. У меня возникло нелепое ощущение сродства с ним.

– Теперь пошли в дом, – сказала она и потянула меня за руку.

Я заколебался. Какая-то часть меня была крайне встревожена и хотела немедленно убраться отсюда: но что-то противоположное во мне ни за что на свете уходить не хотело.

– Может, ты боишься меня? – спросила она обвиняющим тоном.

– Конечно, боюсь! – воскликнул я.

Она хихикнула и самым доверительным тоном сообщила, что она – грубая, простая женщина, очень неуклюже владеет речью и совсем не умеет вести себя с людьми. Она посмотрела мне прямо в глаза и сказала, что дон Хуан поручил ей помочь мне, так как очень обо мне заботился.

– Он говорил нам, что ты несерьезный и везде шляешься, причиняя много неприятностей ни в чем не повинным людям.

До сих под ее утверждения были сравнительно ясными, но я никак не мог представить себе, чтобы дон Хуан говорил обо мне такие вещи.

Мы вошли в дом. Я собрался было сесть на скамейку, где обычно сидели мы с Паблито, но она остановила меня.

– Это место не для нас с тобой, – сказала она. – Пойдем в мою комнату.

– Я лучше буду сидеть здесь, – сказал я твердо. – Я знаю это место¹ и чувствую здесь себя очень удобно.

Она недовольно фыркнула, как разочарованный ребенок. Поджатая верхняя губа у нее при этом была похожа на утиный клюв.

– Что-то здесь ужасно не так, – сказал я. – Я думаю, мне лучше будет уехать, если ты не объяснишь мне, что происходит.

Она пришла в сильное возбуждение и стала доказывать мне, что просто не знает, как со мной разговаривать. Я поставил ее перед фактом ее очевидного пренебрежения и потребовал, чтобы она рассказала мне, что случилось. Я должен был знать, как это произошло.

– Если я расскажу тебе, ты останешься? – спросила она ребячливым голосом.

– Придется остаться.

– В таком случае я все тебе расскажу. Но это должно происходить в моей комнате.

¹ В оригинале – «spot» (англ.) – «пятно», здесь подразумевается «место силы».

На мгновенье меня охватила настоящая паника. Чтобы успокоиться, мне пришлось сделать крайнее усилие. Мы направились в ее комнату. Она жила в задней половине дома, где Паблито построил для нее спальню. Я уже был в этой комнате однажды, когда она строилась, и еще раз, когда она была закончена, как раз перед вселением туда доньи Соледад. Комната выглядела такой же пустой, как и раньше, если не считать кровати в самом центре и двух скромных комодов у двери. Побелка на стенах поблекла и приобрела очень успокаивающий желтоватый оттенок. Деревянный потолок тоже потемнел от времени. Глядя на гладкие чистые стены, я думал, что их каждый день моют губкой. Комната больше всего напоминала монашескую келью, очень скромную и аскетическую. В ней не было никаких украшений. На окнах – массивные ставни с железными засовами. Не было ни стульев, ни вообще чего-нибудь, на чем можно было бы сидеть.

Донья Соледад забрала у меня блокнот, прижала его к груди и села на кровать, сделанную из двух толстых матрасов, положенных прямо на доски. Она показала мне, чтобы я сел рядом с ней.

– Ты и я – одно и то же, – сказала она, вручив мне мою записную книжку.

– Прости, я не понял.

– Ты и я – одно, – не глядя на меня, повторила она.

Я не мог сообразить, что она имеет в виду. Она уставилась на меня, ожидая моей реакции.

– Но что это значит, донья Соледад? – спросил я.

Мой вопрос, казалось, озадачил ее, как если бы я спрашивал о чем-то очевидном. Она вначале засмеялась, но, когда я стал настаивать, что действительно не понимаю, она рассердилась. Сидя на кровати, она выпрямилась и, гневно взглянув на меня, обвинила в неискренности. Ее глаза пылали, рот скривился в гримасе ярости, и она сразу опять сделалась старухой.

Я искренне недоумевал, не чувствуя себя лицемером. Казалось, и она тоже была в затруднении. Она пыталась что-то сказать, но только беззвучно шевелила губами. Наконец она пробормотала, что я действую в такой важный момент не безупречно. Она повернулась ко мне спиной.

– Посмотри на меня, донья Соледад, – сказал я твердо. – Я никоим образом не ввожу тебя в заблуждение. Ты, должно быть, знаешь нечто такое, о чем я сам не имею ни малейшего понятия.

– Ты слишком много разговариваешь, – ответила она. – Нагваль говорил, чтобы я никогда не позволяла тебе разговаривать. Ты все перекручиваешь.

Она соскочила на пол и топнула ногой, как избалованный ребенок. И тут я заметил, что в комнате был совсем другой пол. Я помнил, что раньше здесь был темный, земляной. Новый пол был охристо-розового цвета. Я моментально забыл о нашей стычке и обошел комнату. Было непонятно, как я сразу не обратил внимания на это великолепие. Сначала я

подумал, что это красная глина, уложенная как цемент, когда он еще мягкий и влажный, но тут я заметил, что на нем не было трещин. Высохнув, глина должна была изогнуться, растрескаться, распасться на куски.

Я наклонился и осторожно провел пальцами по полу. Он был твердым, как кирпич. Глина была обожженной. Я обнаружил, что пол сделан из больших глиняных плиток, образующих удивительный и завораживающий узор, совершенно незаметный, если специально не обращать на него внимания. Искусство, с которым были выложены плитки, указывало на очень хорошо продуманный план. Мне захотелось узнать, как такие большие плитки не покособились при обжиге. Я было обернулся спросить донью Соледад, но спохватился: она, скорее всего, не знала этого. Я снова стал расхаживать по полу. Глина была немного шероховатой, почти как песчаник.

– Это Паблито выложил пол? – спросил я.

Она не ответила.

– Великолепная работа, – сказал я. – Ты должна очень гордиться им.

Я не сомневался, что это сделал Паблито. Ни у кого другого не нашлось бы способностей и воображения задумать такое. Должно быть, он сделал этот пол, когда меня здесь не было. Но я тут же вспомнил, что никогда не бывал в комнате доньи Соледад с тех пор, как ее пристроили к дому шесть или семь лет тому назад.

– Паблито, Паблито! Вот еще! – воскликнула она сердитым раздраженным голосом. – По-твоему, он – единственный, кто способен сделать такую вещь?

Мы обменялись долгими и пристальными взглядами, и вдруг я понял, что это она сделала пол и что вдохновил ее на это дон Хуан.

Мы молча стояли, глядя друг на друга еще некоторое время. Я чувствовал, что было излишним спрашивать ее, прав ли я.

– Я сделала его сама, – сказала она сухо. – Нагваль научил меня как.

Ее слова привели меня в эйфорическое состояние. Я заключил ее в объятия и закружился с ней по комнате. После этого я буквально забросал ее вопросами. Я хотел знать, как она сделала плитки, что означали узоры, где она брала глину. Но донья Соледад не разделяла моего восторга. Она оставалась безмолвной и безучастной, время от времени искоса поглядывая на меня.

Я снова прошелся по полу. Кровать была расположена точно в эпицентре сходящихся линий. Глиняные плитки были обрезаны под острым углом, создавая сходящиеся линии, которые начинались под кроватью и разбегались по всей комнате.

– У меня нет слов, чтобы передать тебе, как я восхищен, – сказал я.

– Слова. Кому они нужны? – отрезала она.

Внезапно меня озарило. Мой разум опять предал меня. Был только один способ объяснения ее метаморфозы: дон Хуан, должно быть, сделал ее своей ученицей. Как иначе старая женщина могла обратиться в такое таинственное, полное силы существо? Я должен был понять это с первого взгляда. Но я, как обычно, ожидал увидеть то, что соответствовало моим представлениям о ней, а в них такая возможность не входила.

Я подумал, что поразительное превращение, которому способствовал дон Хуан, произошло с ней в течение тех двух лет, что я не видел ее. Хотя непонятно, как можно было уложиться в такой короткий срок.

– Я, кажется, догадываюсь, что произошло с тобой, – сказал я нарочито небрежно и бодро. – Кое-что прояснилось у меня в голове прямо сейчас.

– Ах вот как? – равнодушно сказала она.

– Нагваль тебя учит магии, не правда ли?

Она бросила на меня такой свирепый взгляд, как если бы я не мог сказать ничего хуже. Ее лицо выражало только презрение. Она не собиралась отвечать мне.

– Какой же ты ублюдок! – внезапно воскликнула она, сотрясаясь от ярости.

Не понимая причин ее гнева, я присел на край кровати. Она нервно постукивала пяткой об пол. Затем, не глядя на меня, она села на другой край.

– Чего, собственно, ты хочешь от меня? – спросил я твер-

до и грозно.

– Я уже сказала тебе, – закричала она. – Ты и я одно!

Я попросил ее объяснить, не допуская ни на мгновение, будто я что-либо знаю. Это разозлило ее еще больше. Она резко вскочила и сбросила на пол свою юбку.

– Вот что я имею в виду! – завопила она, поведя рукой в области лона.

У меня отвисла челюсть. До меня медленно доходило, что я уставился на нее, как идиот.

– Ты и я одно здесь, – опять сказала она.

Я был ошеломлен. Донья Соледад, старая индейская женщина, мать моего друга Паблито, стояла полуобнаженной в нескольких футах от меня, демонстрируя свои гениталии. Я уставился на нее, не в силах даже мыслить связно. Но одно я знал точно: ее тело не было телом старухи. У нее были прекрасные мускулистые бедра, смуглые и гладкие. Костная структура ее таза хоть и была широкой, но жировых отложений на ней не было.

Она, должно быть, заметила мой изучающий взгляд и бросилась на постель.

– Ты знаешь, что делать, – сказала она, указывая на свое лоно. – Мы едины здесь.

Она обнажила свои прекрасные груди.

– Донья Соледад, я тебя умоляю! – воскликнул я. – Что с тобой происходит, ведь ты мать Паблито!

– Нет, – отрезала она. – Никому я не мать.

Она села и посмотрела на меня горящими глазами.

– Я, как и ты, частица Нагваля, – сказала она. – Нам предназначено соединиться.

Она раздвинула ноги, и я отскочил.

– Подожди немного, донья Соледад, – сказал я. – Давай поговорим.

На меня нахлынул дикий страх, и вдруг возникла сумасшедшая мысль. А что, если дон Хуан спрятался где-нибудь поблизости и хохочет теперь до упаду?

– Дон Хуан! – заорал я.

Мой вопль был таким громким, что донья Соледад поспешно соскочила с постели и натянула на себя юбку. Я увидел, что она одевается, и завопил снова:

– Дон Хуан!

Я ринулся через весь дом, выкрикивая имя дона Хуана до тех пор, пока не заболело горло. Донья Соледад тем временем уже выбежала из дома и стояла у моей машины, с недоумением глядя на меня.

Я шагнул к ней и спросил, не дон ли Хуан велел ей проделать все это. Она утвердительно кивнула. Я спросил, нет ли его поблизости, на что она ответила отрицательно.

– Расскажи мне все, – потребовал я.

Она рассказала, что лишь следовала распоряжениям дона Хуана. Он велел ей изменить свое существо в воина, чтобы помочь мне. Она сообщила, что ждала годами, чтобы выполнить это обязательство.

– Я очень сильная сейчас, – сказала она мягко. – Как раз для тебя. Но в спальне я тебе не понравилась, правда?

Я принялся объяснять, что дело вовсе не в этом, что я учитывал лишь свои чувства к Паблито; но потом до меня дошло, что я несу какую-то ужасную чушь.

Донья Соледад, по-видимому, поняла мое замешательство и предложила забыть о случившемся.

– Ты, наверное, голоден, – сказала она оживленно. – Я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

– Ты мне еще многого не объяснила, – сказал я. – Я буду откровенен с тобой: я не хотел бы оставаться здесь ни за что на свете. Ты пугаешь меня.

– Ты обязан принять мое гостеприимство, если речь идет только о чашке кофе, – сказала она спокойно. – Ну давай забудем об этом.

Она сделала жест, приглашая идти в дом. Тут я услышал глубокое рычание. Рядом стоял пес и смотрел на нас, как будто понимая, о чем идет речь.

Я поймал на себе невероятно пугающий взгляд доньи Соледад. Тут она смягчила его и улыбнулась.

– Не допускай, чтобы мои глаза беспокоили тебя, – сказала она. – По правде говоря, я старая. В последнее время у меня бывают головокружения. Я думаю, что мне нужны очки.

Она разразилась смехом и стала дурачиться, глядя через свернутые кольцом пальцы, словно через очки.

– Старая индианка в очках. Вот смеху будет! – захихикала

она.

И тут я решил удрать отсюда без всяких объяснений. Но перед отъездом мне надо было оставить кое-какие вещи для Паблито и его сестер. Я открыл багажник, чтобы достать привезенные им подарки. Я глубоко влез в него, чтобы достать сначала два пакета, уложенные между задним сиденьем и запасной камерой. Нашупав один, я уже собирался взять другой, как вдруг ощутил на шее мягкую пушистую лапу. Я невольно вскрикнул и рванулся из багажника, врезавшись головой в его открытую крышку. Я пытался обернуться, но давление пушистой лапы помешало мне сделать это. Мельком я смог заметить у своего горла серебристую то ли руку, то ли лапу. В панике я судорожно изогнулся, метнулся прочь от багажника и упал на сиденье водителя с пакетом в руке. Все мое тело сотрясилось, мускулы ног свело, и я непроизвольно вскочил и побежал прочь.

– Я не собиралась пугать тебя, – сказала донья Соледад извиняющимся тоном, когда я был уже футах в десяти от нее.

Она показала мне ладони своих рук в жесте капитуляции, как бы заверяя меня, что она здесь ни при чем и «это» не было ее рукой.

– Что ты со мной сделала? – спросил я, стараясь говорить спокойно и сдержанно.

Она казалась совершенно сбитой с толку. Пробормотав что-то, она тряхнула головой, так, как если бы не понимала, о чем я говорю, или не могла сказать этого вслух.

– Ну ладно, донья Соледад, – сказал я, приближаясь к ней. – Мне эти шутки не нравятся.

Казалось, она вот-вот расплчется. Я хотел утешить ее, но что-то во мне противилось этому. После короткой паузы я сообщил ей, что произошло у машины.

– Это просто ужасно! – пронзительно воскликнула она.

Она ребячливым жестом закрыла лицо правым предплечьем. Я подумал, что она плачет. Я подошел к ней и попытался было положить руку ей на плечо, но не смог заставить себя сделать это.

– Послушай, донья Соледад, – сказал я, – давай забудем все это. Позволь мне вручить тебе эти пакеты, и я уеду.

Я остановился перед ней, собираясь заглянуть ей в лицо. Я увидел из-за ее руки черные сияющие глаза. Она не плакала. Она смеялась.

Я отскочил назад. Ее улыбка ужасала. Мы долго стояли неподвижно. Она продолжала закрывать лицо, но было видно, что она наблюдает за мной.

Я стоял, парализованный страхом и отчаянием. Положение было безвыходным. Мое тело знало, что донья Соледад – колдунья, и все же я еще не мог поверить в это. Мне отчаянно хотелось верить, что она просто сумасшедшая и ее держат здесь как в психиатрической лечебнице.

Я не отваживался двинуться или отвести глаза. Мы стояли так, должно быть, минут пять. Она не отпускала руку и оставалась неподвижной. Стояла она у заднего крыла маши-

ны, почти прислонившись к нему. Крышка багажника была все еще открыта. Я задумал сделать бросок к правой дверце. Ключ зажигания был на месте.

Я немного расслабился, чтобы собрать энергию для броска. Она, кажется, заметила это. Ее рука двинулась вниз, открывая лицо. Зубы у нее были стиснуты, глаза, полные угрюмой решимости, не отрывались от меня. Внезапно она качнулась ко мне, притопнула правой ногой, как фехтовальщик, и с пронзительным воплем протянула скрюченные пальцы, пытаясь схватить меня за талию.

Мое тело отпрянуло назад, из пределов ее досягаемости. Я рванулся к машине, но она с непостижимой ловкостью бросилась мне в ноги и сделала подсечку. Я упал лицом вниз, и она быстро схватила меня за левую ногу. Я поджал правую ногу и оттолкнул ее подошвой ботинка. Наконец она отпустила меня и отпрыгнула назад. Я вскочил на ноги и попытался открыть дверцу машины. Она была заперта. Я перелез через капот и бросился к другой, но каким-то образом донья Соледад опередила меня. Я попытался перекатиться назад над капотом, но по пути ощутил резкую боль в правой икре. Она вцепилась мне в голень. Я не мог ударить ее левой: она успела прижать обе мои ноги к капоту. Она рванула меня к себе, и я упал на нее сверху. Мы продолжали бороться на земле. Ее сила была поразительной, но еще страшнее были вопли. Я едва барахтался под гигантским давлением ее тела. Дело было не столько в весе, сколько в создаваемом ее телом

напряжении. Внезапно я услышал рычание, и огромный пес прыгнул на ее спину, отшвырнув ее от меня. Я встал и хотел броситься в машину, но около дверцы боролись женщина и пес. Единственным спасением был дом. Я оказался там за одну-две секунды. Не оглядываясь, я бросился внутрь и захлопнул за собой дверь, закрыв ее на железную щеколду, потом побежал к черному ходу и проделал то же самое.

Снаружи доносились яростное рычание пса и нечеловеческие вопли женщины. Затем вдруг рычание и лай пса оборвались, и он заскулил, как от страха или боли. Мне словно что-то ударило под ложечку, в ушах зазвенело. Я понял, что попал в ловушку внутри дома. На меня накатила волна полнейшего ужаса. Я клял себя на чем свет стоит за свою идиотскую идею забежать в дом. Атака доньи Соледад настолько ошеломила меня, что отшибла всякую логику и стратегическое чутье. Я вел себя так, словно убегал от обычного противника, которому можно было преградить путь закрытой дверью. Я слышал яростные крики, потом кто-то подошел к двери и налег на нее, пытаясь открыть. Затем послышались громкие удары в дверь.

– Открой дверь, – приказала донья Соледад твердым тоном. – Проклятая собака покалечила меня.

Я колебался. Мне вдруг вспомнилось столкновение с женщиной-магом, которая несколько лет назад, если верить дону Хуану, приняла его обличье, чтобы обмануть меня и нанести смертельный удар. Донья Соледад явно не была той,

которую я знал, но мне как-то не верилось, что она была магом. Это противоречило бы самому закону времени. Паблито, Нестор и я находились в контакте с доном Хуаном и доном Хенаро много лет, но все еще не были магами; когда же могла успеть стать магом донья Соледад? Даже при ее поразительном изменении она не могла симпровизировать нечто такое, для чего потребовалась бы целая жизнь.

– Почему ты нападаешь на меня? – спросил я громко, чтобы она смогла расслышать меня через массивную дверь.

Она ответила, что Нагваль велел ей не позволять мне уйти. Я спросил ее почему. Она не отозвалась. Вместо этого она стала яростно колотить в дверь, а я в ответ заколотил еще сильнее со своей стороны. Мы продолжали стучать в течение нескольких минут. Она остановилась и стала умолять меня открыть дверь. Я почувствовал прилив нервной энергии. Меня всего трясло. Я знал, что, если я открою щеколду, у меня будет шанс спастись бегством. Я открыл дверь. Она вошла, пошатываясь. Ее блуза была разорвана. Повязка, удерживавшая волосы, свалилась, и ее длинные волосы рассыпались по всему лицу.

– Посмотри, что этот сукин сын сделал со мной, – закричала она. – Смотри! Смотри!

Я с трудом перевел дыхание. Она казалась несколько ошеломленной. Сев на скамейку, она принялась стаскивать порванную блузу. Воспользовавшись этим, я мгновенно выскочил из дома и бросился к машине. С быстротой, порожден-

ной страхом, я вскочил внутрь, захлопнул дверцу, автоматически включил зажигание и перевел машину на задний ход. Я нажал педаль газа и повернул голову, чтобы посмотреть через заднее стекло. Раздалось ужасающее рычание, я ощутил горячее дыхание на своем лице и в то же мгновение увидел рядом демонические глаза пса.

Он стоял на заднем сиденье. Его клыки мелькнули возле самых моих глаз. Я быстро наклонил голову, и его зубы вцепились мне в волосы. Я изогнулся всем телом и убрал ногу с педали сцепления. Резкая остановка заставила пса потерять равновесие, и он едва не свалился. Я распахнул дверцу и выскочил наружу. Голова пса протиснулась за мной. Я услышал клацанье его огромных зубов, когда он, захлопнув пасть, промахнулся всего на несколько дюймов от моих каблучков. Машина тронулась и стала медленно катиться обратно, а я снова метнулся к дому. Но остановился я, не успев достичь двери.

Там стояла донья Соледад. Она снова подвязала волосы и накинула на плечи шаль. Она одно мгновение пристально смотрела на меня, а затем начала смеяться, сначала еле слышно, словно ее раны причиняли ей боль, а потом все громче, указывая на меня пальцем и схватившись за живот от хохота. Она с усилием согнулась пополам, чтобы перевести дыхание. Я мог видеть ее груди, сотрясавшиеся от смеха. Она была обнажена до пояса.

Я понял, что все пропало, и оглянулся. Машина проехала

четыре-пять футов и остановилась. Дверца снова захлопнулась, закрыв пса изнутри. Я видел и слышал, как громадная зверюга грызет спинку переднего сиденья и яростно скребет окно.

В этот момент я оказался перед весьма своеобразным выбором. Я не знал, кто для меня страшнее – донья Соледад или этот проклятый пес. После краткого раздумья я решил, что собака – всего лишь глупое животное.

Я бегом вернулся к машине и взобрался на крышу. Шум разъярил пса, слышно было, как он рвет клыками обшивку. Лежа на крыше, я ухитрился открыть дверцу водителя. У меня была идея – открыть обе дверцы, а затем соскользнуть с крыши в машину через одну из них, когда пес выскочит в другую. Я свесился, чтобы открыть правую, забыв, что она заперта изнутри. В этот момент голова собаки высунулась из открытой дверцы. В дикой панике от одной мысли, что сейчас он выберется и бросится на меня, я соскочил с крыши и опять мгновенно оказался у двери дома.

Донья Соледад, обхватив себя руками, стояла в дверном проеме. Смех, сотрясавший ее, уже походил на конвульсии.

Пес уже снова сидел в машине, все еще исходя пеной от ярости. Очевидно, он был чересчур велик для нее и не мог протиснуться над передним сиденьем. Я подошел к машине и осторожно закрыл левую дверцу, потом стал искать длинную палку, чтобы открыть замок правой. Поиски на площадке перед домом ни к чему не привели. Вокруг не было видно

ни куска дерева. Тем временем донья Соледад ушла внутрь дома. Я оценил свое положение. У меня не было другого выбора, как только обратиться к ее помощи. С крайней опаской я переступил порог дома, озираясь по сторонам на случай, если она, подстерегая меня, прячется где-нибудь за дверью.

– Донья Соледад! – крикнул я.

– Какого черта тебе надо? – донесся крик из ее комнаты.

– Пожалуйста, выйди и заведи собаку из машины.

– Ты шутишь? – ответила она. – Это не моя собака. Я тебе уже говорила, что она принадлежит моим девочкам.

– А где твои девочки?

– Они в горах.

Она вышла из своей комнаты и остановилась передо мной.

– Хочешь увидеть, что этот проклятый пес со мной сделал? – спросила она сухим тоном. – Смотри!

Она сбросила шаль и показала мне свою обнаженную спину.

Никаких заметных следов от клыков или когтей пса на ее спине не было. Только несколько неглубоких царапин, которые она могла заработать, когда каталась по земле или нападала на меня.

– Там ничего нет, – сказал я.

– Пойди и посмотри на свету, – сказала она и подошла к двери.

Она настаивала, чтобы я искал глубокие раны от собачьих зубов. Я чувствовал себя глупо; вокруг глаз, особенно возле

бровей, было какое-то неприятное напряжение.

Пес был на месте и начал лаять, как только я вышел из дома.

Я проклинал себя. Мне некого было винить, кроме себя самого. Я попал в ловушку, как дурак. Сейчас возьму и уйду пешком в город, решил я. Но мой бумажник, все мои документы, все, что у меня было, лежало в портфеле на полу машины как раз под лапами у собаки. Меня охватил приступ отчаяния. Идти в город было бесполезно. Денег, которые были у меня в кармане, не хватило бы и на чашку кофе. Ни единой живой души в этом городе я не знал. Мне оставалось только одно – выгнать пса из машины.

– Что ест эта собака? – закричал я, стоя у двери.

– Почему бы тебе не угостить ее своей ногой? – крикнула в ответ донья Соледад из своей комнаты и захихикала.

Я поискал на кухне какой-нибудь еды. Горшки были пустыми. Мне оставалось только вновь обратиться к ней.

Мое отчаяние сменилось гневом. Я ворвался в ее комнату, готовый к борьбе до конца. Она лежала на своей кровати, укрывшись шалью.

– Пожалуйста, прости меня за все, что я тебе сделала, – сказал она, глядя в потолок.

Ее прямота погасила мой гнев.

– Ты должен понять мое положение, – продолжала она. – Я не могла позволить тебе уйти.

Она тихо засмеялась и ясным, спокойным и очень при-

ятным голосом сказала, что она была настырной и бестактной настолько, что ей почти удалось до смерти испугать меня своим шутовством. Но сейчас ситуация внезапно изменилась.

Она сделала паузу и села в постели, прикрыв грудь шалью, а затем добавила, что в ее тело влилась странная уверенность. Она подняла глаза к потолку и стала в каком-то завораживающем ритме размахивать руками, как ветряная мельница.

– Возможности уехать сейчас для тебя не существует, – заявила она.

Она изучающе глянула на меня без тени улыбки. Мой гнев утих, но отчаяние достигло предела. Я хорошо понимал, что мне не справиться ни с ней, ни с псом.

Она сказала, что наша встреча была предрешена много лет назад и что ни у одного из нас нет и не было достаточно силы, чтобы ускорить ее или воспрепятствовать ей.

– Не истощай себя, пытаясь уехать, – сказала она. – Твои усилия уехать так же бесполезны, как и мои – удержать тебя здесь. Нечто помимо твоей воли вызовет тебя отсюда, и нечто помимо моей воли удержит тебя здесь.

Каким-то странным образом ее уверенность не только смягчила ее, но и придала ей большую власть над словами. Ее утверждения были неотразимо убедительными и кристально ясными. Дон Хуан сказал когда-то, что я был доверчивой душой, когда дело доходило до слов. Когда она гово-

рила, я поймал себя на мысли, что она в действительности вовсе не столь ужасна, как мне показалось. Она больше не производила впечатления взбесившейся фурии, в любой момент готовой к нападению. Мой разум чувствовал себя почти свободно, но что-то во мне не поддавалось. Все мышцы моего тела были подобны натянутым струнам, однако я вынужден был признаться себе, что, хоть она меня и испугала до полусмерти, она все же была очень привлекательна.

– Я покажу тебе, что бесполезно пытаться уехать, – сказала она, соскакивая с постели. – Я собираюсь помочь тебе. Что тебе нужно?

Она следила за мной со странным блеском в глазах. Ее мелкие белые зубы придавали улыбке что-то дьявольское. Круглое лицо было удивительно гладким, совершенно без морщин. Две глубокие линии, сбегаящие от крыльев носа к углам рта, придавали лицу оттенок зрелости, но не возраста. Когда она вставала с постели, шаль соскользнула, обнажив ее полные груди. Не дав себе труда вновь накрыться, она еще выпятила грудную клетку, заставив грудь приподняться.

– О, ты уже заметил, да? – и повернула тело из стороны в сторону, словно любуясь собой. – Я всегда стягиваю волосы на затылке. Нагваль велел мне делать так. Натяжение делает мое лицо моложе.

Я был уверен, что она заговорит о груди. Ее уловка поразила меня.

– Я не имела в виду, что натяжение волос заставляет меня

выглядеть моложе, — продолжала она с улыбкой. — Оно делает меня моложе.

Я поинтересовался, как это может быть.

С чарующей улыбкой она поинтересовалась, понял ли я как следует дона Хуана, когда он говорил, что возможным становится все что угодно, если человек хочет этого с *несгибаемым намерением*. Я пожелал более точного объяснения. Мне хотелось знать, что еще, кроме стягивания волос, она делает, чтобы выглядеть такой молодой. Она сказала, что ложится на свою кровать и опустошает себя от всех мыслей и ощущений, а затем просто позволяет линиям своего пола убрать все морщины прочь. Я добивался от нее более детального ответа о ее восприятии, ощущениях и чувствах, которые она испытывала, лежа на своей постели. Она настаивала, что не ощущает ничего и не знает, как действуют линии ее пола. И она знает только, что не надо позволять вмешиваться своим мыслям.

Она положила руки мне на грудь и очень мягко оттолкнула. По-видимому, это был жест, показывающий, что с нее довольно моих вопросов. Мы вышли наружу через заднюю дверь. Я сказал ей, что мне нужна длинная палка. Она сразу пошла к куче дров, но среди них не было длинных палок. Я спросил, не сможет ли она дать мне пару гвоздей, чтобы скрепить два куска дерева из поленницы. Мы обшарили весь дом, но гвоздей не нашли. Наконец я вытащил самую длинную палку, которую удалось найти, из курятника, построен-

ного Паблито за домом. Эта жердь, хотя и была немного тонковатой, казалась подходящей для моей цели.

Донья Соледад помогала мне в моих поисках не улыбаясь и без шуточек. Казалось, она была полностью поглощена своей задачей помогать мне. Ее концентрация была такой интенсивной, что я под конец не сомневался в ее искренности. Вооруженный длинной жердью и поленом из дровяной кучи, я подошел к своей машине. Донья Соледад стояла у передней дверцы.

Я стал дразнить собаку короткой палкой, в то же время пытаясь освободить замок жердью. Пес едва не цапнул меня за руку, и я выронил короткую палку. Ярость и сила огромного зверя были такими безмерными, что я чуть не потерял и длинную палку тоже. Пес пытался перекусить ее надвое, как вдруг донья Соледад пришла мне на помощь. Колотя в заднее стекло, она отвлекла внимание пса, и это позволило мне забрать палку.

Воодушевленный ее отвлекающим маневром, я нырнул головой вперед, проскользнул по всей длине сиденья и успел-таки освободить замок. Я тут же ринулся назад, но пес бросился на меня сзади со всей своей мощью, и его массивные плечи и лапы нависли над передним сиденьем, прежде чем я успел вернуться назад. Я почувствовал его лапы на своем плече и съежился от страха. Я не сомневался, что сейчас он меня прикончит. Пес наклонил голову, собираясь меня растерзать, но ударился о рулевое колесо. Я стремитель-

но рванулся и одним движением взлетел на капот, затем на крышу. Все тело у меня было в синяках. Я открыл правую дверцу, попросил донью Соледад подать мне длинную палку и нажал на рычаг, освобождающий закрепленную вертикально спинку переднего сиденья. Я надеялся, что если буду дразнить пса, то он свалит ее вперед и освободит себе путь к выходу, но он не двигался. Он лишь яростно грыз палку.

В этот момент донья Соледад вскочила на крышу и легла рядом со мной. Она хотела помочь мне дразнить собаку. Я сказал, что ей не следует оставаться на крыше, так как, когда пес вылезет, я собираюсь соскользнуть в машину и немедленно уехать. Я поблагодарил ее за помощь и сказал, что ей лучше вернуться в дом. Она пожала плечами, прыгнула вниз и пошла обратно к двери. Я снова нажал на защелку и начал дразнить пса своей кепкой. Я хлопал ею у самых его глаз, прямо перед мордой. Ярость пса была неопиcуема, однако он не собирался покидать заднее сиденье. Наконец его мощные лапы выбили палку из моей руки. Я опустилcя вниз, чтобы поднять ее из-под машины. Внезапно я услышал пронзительный крик доньи Соледад:

– Осторожно! Он вылезает!

Я рывком обернулся. Пес протискивался над сиденьем. Его задние лапы застряли в рулевом колесе. Он был почти на свободе.

Я бросился к дому и оказался внутри в тот самый момент, когда пес всем телом с размаху ударил в дверь. Заперев дверь

на щеколду, донья Соледад сказала, хихикая:

– Я говорила тебе, что это бесполезно.

Она прочистила горло и повернулась ко мне.

– Ты можешь привязать его? – спросил я.

Я был уверен, что получу ничего не значащий ответ, но, к моему удивлению, она сказала, что мы должны испробовать все, даже заманить собаку в дом и закрыть ее там.

Ее идея привлекла меня. Я осторожно открыл дверь. Пса там больше не было. Я рискнул распахнуть дверь пошире и выглянул наружу. Его не было видно. Я надеялся, что он убрался наконец в свой загон. На всякий случай я решил подождать еще немного, а затем сделать бросок к машине, как вдруг услышал злобное рычание и увидел массивную голову внутри машины. Он снова забрался на переднее сиденье.

Донья Соледад была права – бесполезно было и пытаться сбежать. Волна уныния охватила меня. Каким-то образом я знал, что конец мой близок.

В порыве полного отчаяния я сказал донье Соледад, что собираюсь взять на кухне нож и убить пса или быть убитым им. И я сделал бы это, если бы в доме был хоть один металлический предмет.

– Разве Нагваль не учил тебя принимать свою судьбу? – спросила донья Соледад, следуя за мной по пятам. – Этот пес – не обычная собака. У него есть *сила*. Он воин. Он сделает то, что должен сделать. Даже убьет тебя, если нужно.

На мгновение я оказался на грани неконтролируемого

срыва. Рассвирепев, я схватил ее за плечи и зарычал. На нее это не произвело никакого впечатления. Она повернулась ко мне спиной и сбросила на пол свою шаль. Ее спина была очень сильной и красивой.

У меня было жуткое желание ударить ее, но вместо этого я провел рукой по ее плечам. Ее кожа была мягкой и шелковистой. Руки и плечи были мускулистыми, но не массивными. Лишь минимальный слой жира окружал ее мускулы и делал тело гладким на вид, однако пальцами я чувствовал невидимые под кожей твердые мышцы. Мне не хотелось смотреть на ее грудь.

Она пошла на террасу в задней части дома, и я последовал за ней. Она села на скамейку и не торопясь помыла ноги в бадье. Когда она обувала сандалии, я в сильной тревоге заглянул зачем-то в новую пристройку в задней части дома. Когда я выходил оттуда, она встретила меня у порога двери.

– Ты любишь поговорить, – сказала она мимоходом, ведя меня в свою комнату. – Торопиться некуда. Теперь мы можем говорить вечно.

Она достала мой блокнот с крышки своего комода, куда, должно быть, сама его сунула, и вручила мне с преувеличенной любезностью. Затем она сняла покрывало, аккуратно сложила его и положила туда, где прежде лежал блокнот. Тут я заметил, что оба комода были под цвет стен, желтовато-белыми, а постель без покрывала была охристо-красной, почти под цвет пола. Покрывала же были темно-коричневыми, как

дерево потолка и ставней.

– Давай поговорим, – сказала она, сняв сандалии и удобно усаживаясь на постели.

Она обхватила руками колени, касаясь их голой грудью. У нее был вид молодой девушки. Ее агрессивные и властные манеры исчезли, сменившись обаянием. В этот момент она была полной противоположностью недавней донье Соледад. Я невольно рассмеялся над тем, как она убеждала меня писать. Она напоминала мне дону Хуана.

– Теперь у нас есть время, – сказала она. – Ветер переменялся. Ты заметил это?

Я заметил. Она сказала, что новое направление ветра было ее благоприятным направлением и теперь ветер превратился в ее помощника.

– Что ты знаешь о ветре, донья Соледад? – спросил я, спокойно усевшись в ногах ее постели.

– Только то, чему учил меня Нагваль, – сказала она. – Каждая из нас, то есть женщин, имеет свое собственное направление, особый ветер. У мужчин этого нет. Я – северный ветер; когда он дует, я становлюсь другой. Нагваль сказал, что женщина-воин может использовать свой особый ветер для всего, что пожелает. Лично я с его помощью привела в порядок свое тело и переделала его. Смотри на меня. Я – северный ветер. Чувствуешь, как я вхожу в окно?

Сильный ветер дул через окно, которое стратегически было обращено к северу.

– Почему ты думаешь, что у мужчин нет своего ветра?

Она на мгновение задумалась, а затем ответила, что Нагваль никогда не упоминал почему.

– Ты хотел знать, кто сделал этот пол, – сказала она, укутывая одеялом плечи. – Я сделала его сама. Я потратила четыре года, чтобы выложить его. Теперь этот пол подобен мне самой.

Когда она говорила, я заметил, что сходящиеся линии на полу были сориентированы так, что начинались с севера. Однако комната не была расположена в полном соответствии со сторонами света, поэтому ее постель находилась под некоторым углом к стенам, как и линии, образованные глиняными плитками.

– Почему ты сделала пол красным, донья Соледад?

– Это мой цвет. Я красная, подобно красной почве. Я нашла красную глину в горах поблизости отсюда. Нагваль сказал мне, где искать, и он же помогал мне носить ее, а с ним и все остальные. Они все мне помогали.

– Как ты обжигала глину?

– Нагваль вырыл мне яму. Мы заполнили ее топливом, а потом положили штабелем глиняные плитки, переложив их плоскими кусочками камня. Я накрыла яму крышей из почвы и проволоки и подожгла дрова. Они горели несколько дней.

– Как ты уберегла плитки от искривления?

– Это не я. Это сделал ветер, северный ветер, который дул

все время, пока горел огонь. Нагваль показал мне, как вырыть яму, чтобы она была обращена к северу и северному ветру, и заставил меня оставить четыре дыры для северного ветра, чтобы он дул в яму. Потом он велел мне проделать одну дыру в центре крыши, чтобы мог выходить дым. Ветер заставил дерево гореть в течение нескольких дней. Когда яма остыла, я открыла ее и начала чистить и выравнивать плитки. Мне потребовалось больше года, чтобы сделать достаточно плиток и закончить свой пол.

– Как ты придумала узор?

– Мне дал его ветер. Когда я делала пол, Нагваль уже учил меня не сопротивляться ветру. Он показал мне, как отдаваться своему ветру и позволять ему руководить мной. На это он потратил много времени и сил, годы и годы. Вначале я была очень упрямой и неразумной старухой. Он говорил мне это сам, и он был прав. Но я училась очень быстро. Наверное потому, что я стара и мне больше нечего терять. В самом начале у меня были громадные трудности из-за моего постоянного страха. Одно присутствие Нагваля заставляло меня заикаться и робеть. Так же чувствовали себя с ним и остальные. Это была его судьба – наводить ужас.

Она перестала говорить и пристально взглянула на меня.

– Нагваль – не человек, – сказала она.

– Почему ты так говоришь?

– Нагваль – дьявол, я не знаю, с каких пор.

От ее слов меня бросило в дрожь. Я ощутил, как заколо-

тилось сердце. Она, безусловно, не могла бы найти лучшего слушателя. Я был бесконечно заинтересован и попросил объяснений.

— Его касание изменяло людей, — проговорила она. — Ты знаешь это сам. Он изменил твое тело. Причем ты, видно, даже не догадываешься об этом. Но он вошел в твое прежнее тело, он что-то вложил в него. То же самое он проделал и со мной. Он оставил что-то во мне, и это нечто взяло верх. Такое может только дьявол. Теперь я — северный ветер и не боюсь никого и ничего. А до того, как он изменил меня, я была слабой, незащитной, безобразной старухой, дрожавшей от одного его имени. Паблито, конечно, не мог помочь мне, так как он сам боялся Нагваля до смерти.

Однажды Нагваль и Хенаро пришли в дом, когда я была одна. Я слышала их за дверью, словно крадущихся ягуаров. Я перекрестилась. Для меня они были демонами, однако я вышла, чтобы посмотреть, что я могу сделать для них. Они были голодны, и я охотно приготовила им еду. У них были миски, сделанные из тыквы, и я налила им обоим супа. Нагваль, по-видимому, не был признателен за еду; он не хотел есть пищу, приготовленную такой слабой, неуклюжей женщиной, и он взмахом руки сбросил миску со стола. Но миска, вместо того чтобы опрокинуться и выплеснуться на пол, от силы удара Нагваля соскользнула и упала на мою ногу, да так и стояла там, пока я не нагнулась и не подняла ее. Ни капли супа не пролилось. Я поставила ее на стол перед

ним и сказала, что, хотя я слабая женщина и всегда боюсь его, моя пища приготовлена с добрыми чувствами. С этого момента Нагваль изменился по отношению ко мне. То, что миска упала на мою ногу и не разлилась, было знаком, что на меня указывает *Сила*. Я не знала этого тогда и думала, что он изменился по отношению ко мне потому, что ему стало стыдно за свой отказ от моей пищи. Я не придавала значения этой перемене. Я все еще боялась его и не могла даже смотреть ему в глаза. Но он стал все больше обращать на меня внимание. Он даже принес мне подарки: шаль, платье, гребенку и другие вещи. Это привело меня в ужас. Я стыдилась, ибо думала, что он мужчина, который ищет женщину. У Нагваля были молодые девушки; чего он хотел от такой старухи, как я? Сначала я не хотела и смотреть на его подарки, но Паблито уговорил меня, и я начала носить их. После этого я стала еще больше бояться его и не хотела оставаться с ним наедине. Я знала, что он не мужчина, а дьявол. Я знала, что он сделал со своей женщиной.

Тут я не мог не перебить ее. Я сказал, что впервые слышу о женщине в жизни дона Хуана.

- Да ты знаешь, кого я имею в виду.
- Поверь мне, донья Соледад, не знаю.
- Не говори так. Ты хорошо знаешь, что я говорю о Ла Горде.

Единственная «Ла Горда», которую я знал, была сестра Паблито, чрезвычайно тучная девушка по прозвищу Горда,

Толстуха. Я догадывался, что на самом деле она не была дочерью доньи Соледад, хотя мне этого никогда не говорили. А выпрашивать об этом мне как-то не хотелось. Внезапно я вспомнил, что эта девушка исчезла из дома, и никто не мог или не смел сказать мне, что с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.